

МИХАИЛ КРЫЛОВ

Российская региональная идентичность как фокус социокультурной ситуации (на примере европейской России)¹

1. Исходные теоретические позиции и понятия. Социокультурный контекст. Терминология

Сохраняется ли российская цивилизация как специфическая культурная данность в ситуации, предполагающей существование таких всеобщих и отрицающих предшествующую традицию феноменов, как «глобализация», «постмодерн», «сетевое общество» и т.д.? Будет ли культурная специфичность России признаком нахождения ее вне глобальной системы и наличия у нее своей собственной системы координат или, напротив, признаком ее ущербности, маргинальности, «отсталости», указанием на культурно-цивилизационную неполноценность? Общее может быть познано через частное, в том случае, если оно является его структурным подобием и, тем самым, естественной моделью. Такой моделью российской цивилизации может быть локальная система «город — регион» и формирующаяся на ее основе региональная идентичность (РИ). Часто региональная идентичность рассматривается как нечто желательное, благоприятное для современного общества, как его очень важный структурный компонент или как разновидность «качества населения», «хорошего общества», «качества жизни». В таком случае возникает соблазн свести сложный и воспринимаемый обычно весьма неоднозначно феномен российской цивилизации к относительно более простому и однозначному феномену региональной идентичности. Однако его содержательный смысл часто остается нераскрытым.

Под региональной идентичностью нами понимается системная совокупность культурных отношений, связанная с понятием «**малая родина**». В РИ сочетаются аспекты собственно пространства (идентичность — какая? допустим, рязанская, тамбовская и т.д. — здесь внешне доминирует топонимика) и аспекты внутренней энергетики, «силы» идентичности (здесь часто уместен термин «*местный патриотизм*»).

¹ Исследование проведено при поддержке РФФИ (№ 01-06-80362).

Нами предложено считать равнозначными и дополнительными «культуру укорененности» и «культуру мобильности» (14). Региональная идентичность — это «воля к жизни и развитию на данной территории», но никак не «стратегия Обломова». Если энергия — это способность совершать работу, то идентичность — это способность к социокультурной, гражданской и экономической активности.

2. Формализация. Модельный полигон

Нами было проведено исследование проблемы российской РИ на материалах территорий в пределах исторического ядра Европейской России, разработана система показателей, были привлечены соисполнители, работавшие по нашей программе. В марте 2002 г. Вологодским НКЦ ЦЭМИ РАН (К.А. Гулин) была обследована Вологодская область, в декабре 2002 г. Институтом общественного мнения «Квалитас» (Н.А. и А.Л. Романович) — Воронежская область, в сентябре — октябре 2003 г. Исследовательской компанией «Социс» (Р.А. Оглоблин) — Ярославская и Костромская области. Выборки квотные, метод опроса — личное интервью, всего 3050 респондентов. Кроме того, ТверьЦИОМ (Е.М. Смирнов) любезно предоставил нам информацию по г. Тверь (некоторые из наших вопросов были включены в программу мониторинга в ноябре 2001 г.; вероятностно-квотная репрезентативная трехступенчатая выборка семей, личное интервью, объем 510).

Были созданы фокус-группы на базе активно интересующихся проблемами краеведения в Галиче, Череповце, Ярославле, Костроме, Нижнем Новгороде, Муроме, Арзамасе, Воронеже, Тамбове, Мичуринске, Моршанске, сельской местности Моршанского района, Ельце, Балашове, Пензе, Сердобске, Нижнем Ломове, Борисоглебске, Новохоперске, Алексине, Богородицке, Плавске — при помощи согласившихся нам помочь работников библиотек, музеев, школ, вузов, СМИ, местных администраций (всего — 683 анкеты, допускающие качественно-количественный анализ).

3. Основные результаты изучения региональной идентичности

При изучении РИ эмпирически нами выделены отдельные, относительно изолированные ракурсы РИ, которые нами были названы: **транстрадиционный**, ракурс **традиционности (традиционализма)**, ракурс **надтрадиционный**. Выделение этих ракурсов определяется содержательным смыслом ключевых показателей РИ, объединившихся в три группы, *слабо связанные (корреляционно) друг с другом*. Транстрадиционная РИ в наибольшей степени отражает культуру укорененности и в наибольшей степени объединяет имеющиеся показатели РИ. Поэтому транстрадиционный ракурс для РИ следует считать интегральным.

К *транстрадиционному* ракурсу относятся характеристики любви к родному городу, краю; российского патриотизма; отношения к поговоркам «с родной земли умри — не сходи», «где ни жить — лишь бы сыту быть». Показатель согласия с первой из указанных поговорок, мы назвали «*природным патриотизмом*»; гипотетически — это индикатор сохранения *ядра традиционной культуры*. Показатель несогласия со второй поговоркой назван нами «*просвещенным пат-*

риотизмом». «Просвещенный патриотизм» — важный индикатор *соответствия РИ органической модернизации (и возможный интегральный показатель РИ)*.

В состав *традиционалистского ракурса* РИ входят характеристики «*субэтничности*» и «*внеэкономизма мышления*», коррелирующие между собой ($R_s=0,65$). «Субэтничность» — согласие с утверждением, что «нужно сделать все возможное, чтобы сохранить местные различия в говорах, особенностях питания, поведения и др.». «Внеэкономизм мышления» — согласие с поговоркой «бедность — не порок». Сила идентичности по этим показателям убывает с ростом уровня образования респондентов. В то же время *надтрадиционная* РИ связана с парадоксом. Характеристика РИ, имеющая, казалось бы, субэтнический смысл — и действительно имеющая таковой в фокус-группах — *самооценка по сравнению с жителями соседних территорий* — в массовых опросах не сопряжена с субэтничностью, зато обнаружила тесную связь с характеристиками прямо противоположного свойства, которым обычно придается «*футуристическое*» значение, а именно: с *уровнем образования и самооценкой уровня доходов* респондентов, а также с *размерами города*. При этом в Ярославской и Вологодской областях была зафиксирована *прямая* зависимость, а в Костромской области — *обратная* зависимость. В случае обратной зависимости в Костромской области следует говорить об *инверсии*, поскольку для этой территории зафиксированы элементы «*комплекса неполноценности*», обусловленные, как будет показано ниже, соседством Костромы с более динамичным и экономически преуспевающим Ярославем. Тем самым как бы получила подтверждение гипотеза о формировании в современной России некоей новой РИ на базе крупнейших городов и наиболее образованных и богатых слоев населения (15). «Футуризм» такой разновидности РИ проявляется также в вышеназванном отсутствии связи с характеристиками *транстрадиционной* и *традиционалистской* РИ, в усилении экстерриториальной самоидентификации при увеличении ранга поселения (фиксируется в Вологодской области — противоположная тенденция в Воронежской области). Надтрадиционная идентичность хорошо «*вписывается*» в идеи о «*сетевом обществе*», не связанном с традицией *предшествующего* развития (16,17), об исчерпании роли факторов истории и географии в обществе всеобщей мобильности будущего (18).

В Воронежской области данный феномен не представлен. Одна из причин этого, помимо «*нейтрализующей* роли традиции», — *повышенная «региональная самокритичность»*, фиксируемая на юге исторического ядра России и в массовых опросах, и в фокус-группах.

Реально фиксируемая надтрадиционная идентичность является, по-видимому, «*гибридом*» распространяющихся ценностей «*футуризма*» и «*этнографической*» реакции на соседей, не обнаружившей — еще раз обратим на это внимание — связи с показателями традиционалистской идентичности (в массовых опросах). Иными словами, основания для ощущения превосходства над соседями — это синтез «*рефлексии на фольклор*» и оценки своего современного благополучия.

В то же время *транстрадиционная* РИ соответствует идее адаптации, сохранению преемственности в развитии, развитию как идиоадаптации или инволюции, или же прогрессивному развитию, но при понимании прогресса, предполагающего связь с традицией и местным культурным субстратом,

а также равнозначность, в определенном смысле, пространства и времени (в отличие от приоритета времени в более распространенном – «футуристическом» понимании прогресса). Существенно, что согласно полученным эмпирическим данным, *транстрадиционная, но не традиционалистская культура сопряжена с сохраняющимся ядром традиционной культуры.*

Транстрадиционная и традиционалистская культуры могут быть рассмотрены как формы проявления культуры укорененности как дополнительной (неальтернативной) к культуре мобильности, при этом традиционалистской культуре соответствует «партикуляризм» как наименее динамичная ее составляющая. В то же время в *надтрадиционной культуре теряется дополнительность (и гармоничность) укорененности и мобильности* – укорененность в этой культуре есть лишь временный пространственный базис для сиюминутных проявлений мобильности. Тем не менее, *надтрадиционная культура продуцирует идентичность и чувство привязанности к месту, но это чувство является узко рациональным, эгоистичным (она связана не с «любовью», а с «выбором»).* Несмотря на то, что эти культуры базируются на разных ценностях, они объединяются на основе самоидентификации как «местного».

Каждый из ракурсов РИ характеризуется своим императивом. Надтрадиционная РИ – «мы лучше других, потому что мы самые успешные, передовые, «продвинутые» – поэтому я выбираю тот город, где я живу». Транстрадиционная РИ – «мы любим свою землю, наш край, потому что это – наша земля». Традиционалистская РИ – «мы лучше других, потому, что мы отличаемся от других; мы гордимся нашей землей, потому что мы – другие». Жесткая самоидентификация «мы-они» характерна лишь для традиционалистской и надтрадиционной РИ. Последняя в таком случае приобретает черты «неоархаической идентичности» (противопоставление «себя» и «себе подобных» жителям других территорий, которые считаются «варварами» – отсталыми, неудачниками). Дефектом надтрадиционной РИ является отсутствие связи с российским патриотизмом.

Надтрадиционная РИ, по-видимому, не предполагает исчезновение (в перспективе) других ракурсов РИ, в частности, потому, что носителями контрастных идентичностей оказываются одни и те же лица. Будучи новой, надтрадиционная РИ не может считаться более прогрессивной для региона – в том смысле, что она не (обязательно) нацеливает жителей на активизацию местных культурных ресурсов, а является проекцией «неместного», допустим, успешности в территориальном разделении труда, на местный (региональный) уровень. В целом транстрадиционная РИ не подавлена и не разрушена, но доминирует в культурном ряду РИ, являясь более устойчивой, чем надтрадиционная и традиционалистская идентичности.

В рамках транстрадиционной РИ нами был введен интегральный индекс РИ:
$$I = |(R - m_1 - m_2) + ((U_1 + U_2) : 2)| : 2$$
, где

I – интегральный индекс, R – доля респондентов, которые гордятся Россией, m_1 – доля респондентов, которые всю жизнь прожили на одном месте и не стали местными и которые не испытывают привязанности к какой-либо местности, m_2 – доля желающих эмигрировать из России, U_1 – доля согласных с поговоркой «с родной земли умри – не сходи», U_2 – доля не согласных с поговоркой «где ни жить – лишь бы сыту быть» (все – в %). Ин-

тересно, что значения интегрального индекса РИ по отдельным городам обнаружили значительную корреляционную связь с такой существенной характеристикой РИ, как «любовь к городу, краю», где проживают респонденты ($R_s=0,75$).

Далее рассмотрим значения ключевых параметров РИ на уровне отдельных поселений (табл.1)

Таблица 1. Ключевые показатели региональной идентичности по поселениям в пределах модельного полигона (историческое ядро Европейской России) (в %)

Поселения	Интегральный индекс	Любовь к родному городу, краю	Российский патриотизм *)	Выбор своего населённого пункта в гипотетической ситуации	Просвещённый патриотизм	Природный патриотизм	Традиционалистская идентичность как среднее между субъективностью и внеэкономизмом мышления	Надтрадиционная идентичность (ощущение преемственности по отношению к жителям соседних территорий)
Кириллов	53,4	91,2	58,7	+66,3	+43,8	+62,5	+15,0	+21,2
Вожега	20,4	90,3	38,7	+33,8	-16,1	+51,6	+34,5	+1,7
Грязовец	27,8	77,7	40,7	+52,7	+1,4	+50,0	+16,6	+9,3
Великий Устюг	25,0	81,3	28,8	+44,1	+10,3	+67,8	+12,3	+20,3
Бабаево	18,0	81,2	13,7	+44,4	-0,8	+60,7	-29,0	-10,3
Тарногски Городок	15,3	61,7	36,7	+5,9	-25,5	+42,7	-3,0	+5,9
Шексна	10,0	35	26,7	+14,5	-42,0	+63,4	+45,0	-15,2
Вологда	29,0	74,7	31,7	+55,3	+38,4	+46,4	+13,0	+23,3
Череповец	14,5	64,2	25,4	+42,3	+3,0	+29,0	+28,1	+27,7
Тверь	5,0	48,0	***)	+44,0	+58,0	-48,0	-52,0	**)
Воронеж	39,5	91,0	45,3	+58,0	+35,3	+49,2	+45,0	0
Семилуки	38,5	75,0	46,3	+27,6	+3,8	+72,5	+46,0	-10,7
Ярославль	32,0	90,1	45,8	+90,1	+14,1	+39,3	+26,5	+26,8
Рыбинск	36,3	90,0	51,0	+90,0	+24,4	+65,8	+29,0	+7,0
Тутаев	23,5	48,0	33,4	-3,0	+22,0	+35,0	+32,5	-15,0
Кострома	16,5	72,5	25,2	+29,8	+10,0	+34,2	+44,6	+0,1

Примечания: *) «Российский патриотизм» дан, как и остальные параметры РИ, в единицах-«нетто» (как разница между гордящимися Россией и желающими эмигрировать, пассивно и активно).

***) По Твери аналогичный показатель отсутствует. Однако близкий, по-видимому, смысл (в данном контексте) имеет (менее жёсткий) показатель баланса мнения о том, лучше или хуже ситуация в Твери по сравнению с другими городами (-50%).

****) Нет данных.

Значительное ослабление просвещенного патриотизма характерно для «индустриально-маргинальных» поселений, резко контрастирующих с находящимся в тех же природных и др. условиях Кирилловым. Интересно значительное превосходство рыбинской идентичности над костромской. Тверь и Череповец представляют собой отчасти контрастные разновидности РИ при ускоренном развитии крупных городов: если в Череповце происходит некоторая маргинализация населения (ослабление просвещенного патриотизма), при усилении традиционализма (по сравнению с Вологдой), то для Твери, напротив, характерен «суперурбанизм» — отказ от природного патриотизма при мощном развитии просвещенного патриотизма. Результирующая идентичность в Твери оказывается ослабленной.

Одна из причин такого ослабления — чрезмерная близость Твери к Москве, *стресс соседства*. Другие примеры возникновения стресса соседства — Кострома и Мичуринск (по данным фокус-группы). В Костроме происходит частичный отказ от костромской идентичности, в Мичуринске — частичный отказ от тамбовской идентичности, при преобладании негативной оценки своей местной общности по сравнению с соседями.

Стресс соседства в Костроме характеризуется не только отмеченными на табл.1 ключевыми показателями — ослабленной (точнее, *инверсионной*) надтрадиционной идентичностью и пониженной долей выбравших свой город, — также рядом других, более частных показателей РИ: 12,3% респондентов считает, что их город (Кострома) *исторически не относится к Костромскому краю*, против 0,4% для вопроса о Ярославском крае в Ярославле, 0% в Рыбинске и Тутаеве; старинный герб своего города знает 91,2% Ярославцев и 70,5% костромичей. Для Костромы характерно также *повышенное мнение о наличии насмешек со стороны жителей соседних территорий* (7,2% в городе, 12% в сельской местности, против 1% в Рыбинске и 3,1% в сельской местности Ярославской области). В фокус-группе зафиксировано преобладание негативного мнения костромичей о костромском говоре (ср. с совершенно иной реакцией жителей Тамбова на тамбовский говор, который в гораздо большей степени отличается от московского). В то же время *стресс соседства не распространяется на удаленные от Ярославля части Костромской области* (судя по фокус-группе в Галиче).

Совершенно правильно пишет Б.Б. Родоман: «Ярославль и Кострому можно рассматривать как двойной центр, а их ближайшее окружение — как единое ядро Ярославско-Костромского района» (20). В этом двойном центре Ярославль играет активную роль, а Кострома — пассивную, приниженную роль, что, собственно, и вызывает «стресс соседства».

В Мичуринске преобладает восприятия *регионального символа* «тамбовский волк» не как положительного (подобно Тамбову и Моршанску), а как негативного образа (аналогичным региональным символом для коренного жителя или уроженца Псковской области является «скобарь», для Сибири — «сибиряк»). На вопрос о гипотетическом объединении Тамбовской и Липецкой областей около половины участников фокус-группы высказалось в пользу нецелесообразности такого объединения, мнения же в пользу Тамбова или Липецка как центра объединенной области разделились поровну. В то же время в Тамбове и Моршанске среди местных уроженцев доля пожелавших присоединиться к Липецку ничтожна.

Можно предположить, что сила идентичности прежде всего определяется условиями места — местным культурным субстратом и фактором позиционности (а не непосредственно социальными и экономическими факторами — экономические факторы действуют в рамках культурных факторов, обусловленных условиями места). Представляются закономерными тенденции ослабления идентичности в более крупных городах по показателям любви (Вологодская область и Тверь) и усиления идентичности в этих городах по показателям выбора и надтрадиционной идентичности (в пределах всего модельного полигона). Природный патриотизм и традиционалистская идентичность убывают с ростом населенного пункта, однако порядок величины соответствующих показателей сохраняется в пределах каждого из регионов. Следует обратить внимание на деградацию традиционалистской идентичности в одних «индустриально-маргинальных» поселениях и ее «гипертрофию» (по отношению к характерным для региона значениям) в других. В то же время в Ярославской и, особенно, в Воронежской области различия между показателями традиционалистской идентичности по городам разного ранга различаются несущественно.

По ряду параметров РИ приобретают вид закономерных тенденций лишь на уровне регионов (характерным примером здесь может быть, например, сходство Воронежа и Семилук по многим ключевым параметрам РИ, несмотря на колоссальную разницу между «столицей Черноземья» и не вполне городскими Семилуками — см. табл.1). При этом рейтинг регионов в целом, как правило, оказывается приблизительно одним и тем же, — для транстрадиционной РИ лидером всегда оказывается либо Ярославская, либо Воронежская область, отстающими оказываются Вологодская и — чаще — Костромская области, для традиционалистской РИ лидеры — Костромская и Воронежская области. Пространственные контрасты в идентичности оказываются весьма существенными (при приблизительно сходстве социальной структуры населения на уровне регионов в рамках модельного полигона).

Различия по интегральному индексу региональной идентичности — Ярославская обл.: 34,3%, Воронежская обл.: 29,6%, Вологодская обл.: 18,6%, Костромская обл.: 9,4%, г. Тверь: 5% (здесь и далее под «областями» или «регионами» понимаются учтенные ареалы соответствующих областей).

Различия по характеристике «природного патриотизма»: Воронежская обл.: +53,8%; Ярославская обл.: +52%; Вологодская обл.: +46,3%, Костромская обл.: +29%, г. Тверь: — 52%. Интересно, что данный рейтинг достаточно близок к рейтингу по интегральному индексу, что, как представляется, иллюстрирует нашу гипотезу о том, что индикатор природного патриотизма характеризует сохранение ядра культурной традиции. Различия по характеристике «просвещенного патриотизма»: г. Тверь: +58%; Воронежская обл.: +17,3%; Ярославская обл.: +10%; Костромская обл.: +7%; Вологодская обл.: -0,4%.

Несколько иной рейтинг областей по показателям, описывающим РИ в ракурсе традиционности (традиционализма): РИ — «субэтничность» — Костромская обл.: 65,6%, Воронежская обл.: 60,4%, Ярославская: 27,2%, Вологодская: 22,4%, РИ — «внеэкономизм мышления» — Костромская обл.: +51,0%, Воронежская обл.: +38,6%, Ярославская обл.: +25,3%, Вологодская обл.: +15,9%,

г. Тверь: – 52% . Интересно, что *Костромская область, при повышенной традиционности, характеризуется, однако, ослабленным ядром традиционной культуры («природным патриотизмом»).*

Необходимость сохранения специфики архитектуры, внешнего облика городов – Воронежская обл.:85,7%, Ярославская обл.: 84,6%, Костромская обл.: 82,3%, Вологодская обл.: 59,5%. Поддержка местных экокультурных движений – Воронежская обл.53,9%, Вологодская обл.: 48,3%, по Ярославской и Костромской обл. данный вопрос не включался в анкету.

В аспекте уровня образования как фактора органичности РИ относительно модернизации каждая из областей обнаруживает значительную специфику: наблюдается как усиление, так и ослабление идентичности при повышении уровня образования. Лишь только для Костромской области характерно ослабление идентичности по всем показателям при росте уровня образования (табл.2). Нередко «сила» РИ мало меняется при изменении уровня образования, являясь почти константой.

Таблица 2. Влияние уровня образования на развитие региональной идентичности

Регионы (области)	Значения региональной идентичности для трёх уровней образования, в % опрошенных (1 – начальное и незаконченное среднее; 2 – среднее и среднее специальное; 3 – высшее и незаконченное высшее)								
	Надтрадиционная идентичность			Любовь к родному городу, краю			Российский патриотизм («нетто»)		
	1	2	3	1	2	3	1	2	3
Вологодская	+11	+11	+19	74	72	65	38	34	27
Воронежская	–	–	–	96	84	83	45	41	30
Ярославская	+14	+14	+22	73	84	85	57	38	53
Костромская	+6	+8	–2	76	79	55	32	25	22

Окончание табл. 2

Регионы (области)	Значения региональной идентичности для трёх уровней образования, в % опрошенных (1 – начальное и незаконченное среднее; 2 – среднее и среднее специальное; 3 – высшее и незаконченное высшее)					
	Укорененность как алгебраическая сумма природного и просвещенного патриотизма			Традиционалистская идентичность: субэтничность		
	1	2	3	1	2	3
Вологодская	22	21	29	34	24	15
Воронежская	26	37	35	81	63	50
Ярославская	36	28	20	42	30	15
Костромская	23	22	11	58	45	42

В аспекте *органичности РИ относительно традиции* обнаруживается безусловная органичность в Воронежской области, частичная органичность в Вологодской области и отсутствие органичности в Ярославской и Костромской области. В качестве индикатора было использовано принятие респондентами культурной ориентации традиционализма (в данном случае — внеэкономизма) как «предпосылки» и просвещенного патриотизма как «следствия».

Охарактеризованные региональные различия, рассмотренные в разных аспектах, с нашей точки зрения, могут быть интерпретированы как результат наложения двух пространственных макроструктур: 1) фундаментального градиента **Север — Юг** с большей *степенью традиционности* и «пассионарности» на Юге и определяющего тенденцию (не всегда реализуемую) усиления РИ в направлении с севера на юг и 2) структуры **периферия — полупериферия — центр**, элементы которой различаются по *роли традиции*, а также соотношением *местных* и *неместных* факторов. На эти макроструктуры накладываются региональные мезоструктуры, связанные с пространственными различиями в *степени традиционности*. Судя по приведенным значениям показателей РИ и их соотношениям, чистая периферия — это Воронежская область, переход от периферии к полупериферии — Вологодская область, чистая полупериферия — Ярославская и Костромская области, центр — г. Тверь. *Повышенная традиционность* характерна для находящейся на периферии Воронежской области и полупериферийной Костромской области, *пониженная традиционность* — для Вологодской области. На периферии традиция является важным ресурсом РИ, на полупериферии высокая степень традиционности чаще всего ослабляет РИ. Роль традиции не тождественна степени традиционности — если в Воронежской области сравнительный «избыток» традиционности совмещен с повышенной ролью традиции и «утилизируется с пользой», то в Костромской области он совмещен с пониженной ее ролью как фактора формирования РИ и «пропадает зря». В *центре*, в связи с доминированием *неместных факторов*, происходит *ослабление не только традиционности, но и РИ в целом*. *Периферия: сохранение традиционности эквивалентно активности. Полупериферия: традиционность эквивалентна пассивности, депрессии*. Наибольшая «сила» РИ характерна для территорий и городов, где достигнут оптимум между традиций и модернизацией.

Для **транстрадиционного и традиционалистского** ракурсов РИ существенны *региональное историческое сознание и память о предках, живших в данной местности*. Например, доля респондентов, затруднившихся ответить о *местах захоронения* своих предков: Воронежская обл.: 1%, г. Рыбинск: 10%, Ярославская обл., село: 14%, г. Кострома: 17%, г. Ярославль: 18%, г. Тутаев: 23%. Доля респондентов, знающих *места рождения* предков: Воронежская обл.: 93%, г. Рыбинск: 89%, Ярославская обл., сельская местность: 87%, г. Тутаев: 80%, г. Ярославль: 74%, Костромская обл.: 64%.

Важным аспектом исторического сознания в рамках РИ является имидж города как старинного («в котором много примет старины») или же как нового («благоустроенного»). Представляет интерес факт весьма значительной адекватности этого отражения, а также «утрирование» черт историчности в Воронеже (что соответствует усилению исторического сознания и вообще РИ в этом

городе и области) – в противовес Череповцу, где происходит «любование новизной» – см. таблицу 3.

Таблица 3. Отражение имиджа «старинного» и «нового, благоустроенного» города при формировании региональной идентичности

Города	Доля любящих свой город		Превышение имиджем старинны имиджа нового города (раз)
	За то, что он старинный, в %	за то, что он новый, в %	
Вологда	50,6	3,1	16,3
Череповец	12,1	38,9	0,31
Кириллов	73,0	0	–
Великий Устюг	59,6	3,8	15,7
Грязовец	11,9	3,4	3,5
Ярославль	53,9	15,5	3,5
Рыбинск	12,2	0	–
Тутаев	29,0	13,2	2,2
Кострома	35,7	3,5	10,2
Воронеж	18,3	7,7	2,4

Общинность как степень связности местного сообщества, как оказалось, сопряжена с региональным темпераментом (такое мнение напрашивается ввиду четкости градиента «север – юг»), хотя непосредственно она фиксируется на уровне населенных пунктов. Показатель «доля респондентов, которые знают в лицо свыше 500 чел. среди жителей своего населенного пункта»: Вологодская обл.: 19,8%, Костромская обл.: 20,0%, Ярославская обл.: 33,0%, Воронежская обл.: 36,0%. Показатель: «доля респондентов, которые здороваются более чем с 300 жителями своего населенного пункта»: Вологодская обл.: 17,0%, Костромская обл.: 23,4%, Ярославская обл.: 26,0%, Воронежская обл.: 43,0%. (Интересно отметить, что существование общинности в России, вне небольших сельских поселений, часто отрицается). Показатели «знания жителей в лицо» и «развитость круга лиц, с кем здороваются, обнаружили высокую корреляционную связь (на уровне городов) между собой ($R_s = +0,85$) и с показателем «любовь к городу, краю» ($R_s = +0,60$; $R_s = +0,69$, соответственно).

Сквозным процессом формирования РИ, охватывающим все ее ракурсы, является осознание себя как «местного» – по рождению и /или по убеждению. Суммарная доля местных «по рождению» и «по убеждению» приблизительно одинакова по всем рассматриваемым регионам и варьирует от 81% в Костромской обл. до 84% в Ярославской обл. «Коренными тверичами» считает себя 64% респондентов. Доля местных по рождению также меняется незначительно – от 48,7% в Воронежской обл. до 54,7% в Вологодской обл. В г.Твери родилось 53% респондентов. В такого рода относительной однородности проявляется социальная однотипность регионов, сосуществующая со значительными культурными различиями между этими регионами. Соответственно, самоидентифи-

фикация как местного является хотя и важнейшей, однако *потенциальной* предпосылкой развития РИ определенной «силы». Такая предпосылка *актуализируется*, благодаря *региональной культурной специфике* и, прежде всего, благодаря *региональной культурной установке(парадигме)*.

Указанная респондентами доля *предков*, являющихся уроженцами данной местности, существенно различается: г. Кострома:37%, г. Ярославль: 45%, г. Тутаев 48%, Ярославская обл., сельская местность: 57%, г. Рыбинск: 59%, Воронежская обл.: 67%.

Интересно, что, как правило, сила РИ более развита у *местных по убеждению*, чем у *местных по рождению* (исключение — наиболее патриархальная Костромская область). При этом наименьшая сила РИ у тех, кто местным себя не считает, хотя живет в данном месте давно (см. таблицы 4 и 5). Характерно, что самоидентификация как местного определяет не только местный, но и российский патриотизм.

Значительно отличается по регионам суммарная доля респондентов, которые «*всю жизнь прожили на одном месте, хотя предпочли бы уехать отсюда*» и «*которые не испытывают привязанности к какому-либо месту*»: Костромская обл.: 18,0%, Вологодская обл.: 13,4%, Ярославская обл.: 12,0%, Воронежская обл.: 8,7%. Вопреки нередко высказываемым взглядам, такая категория составляет явное меньшинство.

Таблица 4. Сравнение региональной идентичности при различной самоидентификации как «местного» — вариант преодолённой патриархальности: наибольшая «сила» идентичности у «местных по убеждению» (Воронежская область)

<i>Показатели региональной идентичности, в %</i>	<i>Местные по убеждению</i>	<i>Местные по рождению</i>	<i>Живут в данной местности давно, но не считают себя местными</i>
Природный патриотизм	78	44	36
Просвещённый патриотизм	26	14	6
Выбор своего места жительства	72	54	16
Российский патриотизм — «гордость за Россию», «брутто»	66	41	0

Местная (на уровне региона) *культурная установка (парадигма)*, которая в *значительной степени предопределяет характер* (в т.ч. «силу»), *внутреннюю логику местной РИ* (на уровне региона и поселения) и позволяет предполагать *существование внутренних (неконъюнктурных) источников формирования РИ*, с нашей точки зрения, доказывает существование в Европейской России «*исторических провинций*» (существование которых часто отрицается и которым нередко придается решающее значение в формировании РИ).

Вторичным фактором, обуславливающим пространственную дифференциацию региональных идентичностей, является осознание существования неформального региона — (в основном) в рамках «*исторических провинций*» — и самоотождествление с ним. Внешне эти процессы более очевидны

Таблица 5. Сравнение региональной идентичности при различной самоидентификации как «местного»: вариант не преодоленной патриархальности – как правило, наибольшая «сила» идентичности у «местных по рождению» (Костромская область)

<i>Показатели региональной идентичности, в %</i>	<i>Местные по убеждению</i>	<i>Местные по рождению</i>	<i>Живут в данной местности давно, но не считают себя местными</i>
Природный патриотизм	+38,0	+33,0	-15,6
Просвещённый патриотизм	+12,0	+4,0	-10,0
Выбор своего места жительства	+56,7	+24,4	-41,0
Российский патриотизм – «гордость за Россию», «брутто»	+44,0	+45,0	+31,0

для неформальных регионов, формирующихся вокруг необластных городов, особенно если они выходят за их административные границы (например, Арзамасский край, включающий г.Ардатов, Республика Мордовия, Хоперский край, пересекающий Воронежскую, Саратовскую и Волгоградскую области, Елецкий край, Муромский край). Чем «сильнее» РИ в целом, тем более четкие представления о пространственном аспекте РИ у членов местных общностей, тем большую роль в РИ играет историческая составляющая.

Следует учитывать, что регионы, к которым относятся идентичности, не являются жесткими. Они – вероятностны, и их возникновение определяется социокультурным выбором жителей соответствующих территорий. Часть жителей идентифицирует себя с регионами, формирующимися вокруг областных центров, часть – с еще более крупными пространственными единицами – например, с Черноземным краем, а часть – одновременно с пространственными единицами разных уровней – т.е. и с Черноземным, и с Воронежским, и с Хоперским краем в одинаковой (или разной) степени. Кроме того, в восприятии людей нет однозначной связи между регионом и его административным центром. Например, могут считать, что живут в Тамбовском крае, но центром полагают Москву, или что живут в Черноземье, а центром считают Тамбов.

Для внешнего наблюдателя (допустим, из Москвы) менее очевиден неформальный характер регионов, существующих на базе современных административных областей (и являющихся историко-культурными правопреемниками, как минимум, б.губерний). Например, неформальный характер Тамбовского края подтверждается вышеупомянутым региональным символом «тамбовский волк», в настоящее время являющимся прозвищем коренного жителя края. В фокус-группах выявлено несколько десятков значений понятия «тамбовский волк» или связанных с ним ассоциаций (отсутствующих в литературе): «благородный русский геральдический зверь», «ответственный, строгий, злой волк», «волка ноги кормят», «...значит – не бездельник», «тамбовский волк – это я» и т.д.; положительные значения увязываются с распространением в прошлом в Тамбовской губернии не крепостных, а государственных крестьян, с коллективизмом и свободой личности, с

«сопротивлением при «антоновщине», с успешной трудовой конкуренцией, отрицательные – с грубостью (или грубоватостью), резкостью, хамоватостью, агрессивностью, недипломатичностью. Интересно, что уроженцы других территорий, укоренившиеся в Тамбовской области, именно по отношению к образу «тамбовского волка» отличаются от «местных».

Для Вологодской области были обнаружены интересные соотношения между показателями РИ и возрастом респондентов, в рамках трех возрастных групп (наиболее рельефно – для мужчин). Оказалось, что в ряде случаев для молодежи не характерна пониженная идентичность. По целому ряду показателей РИ позиции возрастных групп достаточно близки (см. табл.6).

Таблица 6. Показатели региональной идентичности в разных возрастных группах, у мужчин (в %)

<i>Показатели региональной идентичности</i>	<i>Группа до 30 лет</i>	<i>Группа 30–60 лет</i>	<i>Группа старше 60 лет</i>
Гордость за Россию («брутто»)	51,7	46,4	61,5
Необходимость сохранения различий в специфике внешнего облика городов	57,5	60,1	53,5
Любовь к родному городу, краю	57,5	70,9	80,8
Просвещённый патриотизм	5,1	3,1	4,7
Природный патриотизм	28,8	55,3	71,1
Внеэкономизм мышления	8,1	22,2	19,2
Субэтничность	13,9	23,1	37,6

Интересный аспект РИ – современная самооценка жителей городов, исходящая из выявления самими жителями черт характера и образа жизни (нередко – негативная). Здесь (по данным фокус-групп) образуется некий логический ряд «отрицания отрицания». В направлении от юга к центру и северу происходит переход от эгоизма, «жлобства», трудолюбия и сообразительности (Новохоперск, Борисоглебск) сначала к коллективизму, агрессивности, нахрапистости, дерзости и угрюмости (Тамбов), затем к пьянству (Мичуринск), далее – к мягкости, доброте (Моршанск, Балашов), затем – к жадности («куркули»), прагматичности, доброжелательности, любви к сплетням (Арзамас, Муром), севернее – к доброте к инертности (Кострома), еще севернее – к суетливости, беспокойности и трудолюбию (Галич).

4. Результаты исследования

Результаты исследования показали, что РИ – реальный (а не мнимый, виртуальный) феномен, отражающий преемственность самосознания местных общностей и не являющийся следствием компенсаторной реакции, продуцируемой комплексом неполноценности «провинциала» перед «престижными» столицами (там, где комплекс неполноценности развит, самосознание является пониженным). Территориальная дифференциация РИ в пре-

делах исторического ядра Европейской России носит закономерный, хорошо интерпретируемый географически, характер.

РИ объединяет в себе различные типы культуры, которые сосуществуют и не являются альтернативными. В России, с этой точки зрения, объединяется культурная однородность и культурная «многоукладность» (но не «раскол», по А.С. Ахиезеру). Традиционализм в рамках РИ не обнаруживает связи с другими характеристиками РИ, включая ядро культурной традиции и интегральный индекс РИ.

Уровень развития РИ в большинстве исследованных регионов и поселений может быть признан «умеренным», «нормальным» или «сильно развитым». Зафиксированные случаи ослабления РИ связаны с «отклонением от нормы» (наложение двух неблагоприятных факторов – стресса соседства, «слабости» местного культурного субстрата). Культурные контрасты, в т.ч. между соседними регионами, весьма существенны, в то же время внутри регионов наблюдается относительная культурная однородность – такая структурированность пространства осознается населением и представлена региональными символами, культивированием традиций существования территорий в истории, выделением современных «бытовых» областей. С точки зрения этих критериев, полученные материалы не позволяют согласиться с тезисом об «аспятиальности» русской культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Свердлов Б.М.* Домонгольская Русь, СПб., 2004, С. 583.
2. *Смирнягин Л.В.* Территориальная морфология российского общества как отражение регионального чувства в русской культуре // Региональное самосознание как фактор формирования политической культуры в России, М., МОНФ, 1999, С. 108–115.
3. *Ахиезер А.С.* Жизнеспособность российского общества // Общественные науки и современность, 1996, №6, С. 58–66.
4. *Гудков Л.Д.* Особенности модернизации в России и характер русской этнонациональной идентичности // Демографическая модернизация, частная жизнь и идентичность в России, М., ИНП РАН –ИЭА РАН, 2002, С. 63.
5. *Левада Ю.А.* Координаты человека. К итогам изучения «человека советского» // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2001, №1, С. 8–9.
6. *Мельянцева В.А.* Восток и Запад во втором тысячелетии: экономика, история и современность, М., МГУ, 1996, 303 с.
7. *Хорос В.Г.* Российская модернизация: проблемы и перспективы // Вопросы философии, 1993, №7, С. 12–16.
8. *Шкарлатан О.И.* Информационная экономика и пути развития России // Мир России, 2002, №3, С. 55.
9. *Крылов М.П.* Социально-экологический подход к феномену российской урбанизации // Урбанизация в формировании социокультурного пространства. М., Наука, 1999, С. 228–236.
10. *Красильщиков В.А.* Модернизация в России на пороге XXI века // Вопросы философии, 1993, №7, С. 43.

11. Мезенцева Б.Б., Косларская Н.П. Бег по замкнутому кругу: уровень жизни, ментальные установки и социальная мобильность жителей России // Мир России, 1998, №3. С. 141–188.
12. Синицкий Л.Д. Политическая география по Ратцелю // Землеведение, 1899. Кн. 3, С. 53.
13. Цимбаев Н.И. За горизонтом – земля! (К пониманию истории России) // Вопросы философии, 1997, №1, С. 18–42.
14. Крылов М.П. Феномен региональной идентичности в Европейской России: концептуальный контекст и опыт количественного анализа // Интеллектуальные и информационные ресурсы и структуры для регионального развития. М., ИГ РАН, 2002, С. 104–117.
15. Пантин В.И., Лапкин В.В. Трансформация национально-цивилизационных идентичностей современного российского общества: проблемы и перспективы // Общественные науки и современность, 2004, №1, С. 52–63.
16. Покровский Н.Е. В зеркале глобализации // Отечественные записки, 2003, №1, С. 51–65.
17. Капель М., Киселева Э. Россия и сетевое общество // Мир России, 2000, №1, С. 23–51.
18. Тоффлер О. Футурошок, СПб., Лань, 1997.
19. Данилевский Н.Я. Россия и Европа, М., Книга, 1991, С.87, С. 112–113.
20. Родман Б.Б. Территориальные ареалы и сети, Смоленск, Ойкумена, 1999, С. 15.